

RUGRAM

Владимир В. Видеманн

ХИППИ, МИСТИКИ,
ДИССИДЕНТЫ

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 394
ББК 63.529
В42

Фотографии предоставлены автором

Видеманн В. В.

В42 Хиппи, мистики, диссиденты / Владимир В. Видеманн. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 471 с. : ил. — (Серия «Пальмира — Видеманн»).

Эта книга В. В. Видеманна представляет собой уникальный документ эпохи: здесь изложен инсайдерский взгляд на социальное и духовное подполье, бурлившее под спудом официальной идеологии СССР в 1960–1980-х. Пожалуй, каждая творческая личность так или иначе примыкала к этому негласному всесоюзному сообществу — и первые советские «дети цветов», и представители диссидентских кругов, и искатели мистических откровений. Автор, побывав в центре тех событий, позволяет нам окунуться в тайную жизнь советских неформалов, во многом определивших нашу сегодняшнюю действительность.

**УДК 394
ББК 63.529**

ISBN 978-5-517-03558-5

© Видеманн В. В., 2021

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее произведение представляет собой автобиографическую сагу о неофициальной, потаенной жизни в СССР. Сюжетно в ней переплетены две темы: богемно-диссидентское подполье в Прибалтике и России и авантурные путешествия пипла в Среднюю Азию.

Первая тема касается истории появления в Эстонии движения хиппи, распространения в СССР психоделической культуры «детей цветов» и их мистики в формате нью-эйджа. Но в советской мистической среде можно было встретить не только хиппи. Диссиденты и авантюристы, художники и ученые, психиатры и силовики пересекались на оккультных шабашах в салонах парапсихологических обществ и на подпольных уроках йоги. Наиболее передовая часть этого магического легиона прорвалась в Среднюю Азию и сформировала там уникальное подполье с привлечением местного материала. Описанию среднеазиатских реалий, где местное общество существовало в условиях симбиоза формализованной советской власти и феодально-кланового хозяйства, посвящена вторая тема. Мистический Восток суфийских мавзолеев и тайной науки исмаилитов сочетается с портретами членов ЦК КПСС в чайханах и реальным коммунизмом махалли (родовой общины). Здесь тоже были свои хиппи, мистики и диссиденты, часть которых установила обратную связь с Москвой, Питером и Прибалтикой. Тайные секты, нелегальные религиозные сообщества, самиздат, спецслужбы, снежный

человек, иностранные агенты, масоны, богемные тусовки, валютчики и новые русские — весь этот калейдоскоп типажей присутствует в ткани книги, воспроизводящей атмосферу малоизвестного широким читательским кругам современной России культурно-идеологического андеграунда эпохи позднего СССР. Все события даются в хронологическом порядке и строго соответствуют действительности. В качестве документальных свидетельств приводятся выдержки из личных дневников отдельных героев повествования, фрагменты из частной переписки с ними, а также материалы из СМИ и других источников. Автор широко использует два типа сленга: хипповый сленг и мистическое арготизм в духе нью-эйджа. В главах про Восток много местных слов и выражений. Вместе с тем настоящее произведение не является простым механистическим фиксированием событий по дневниковому принципу. В тексте присутствуют множество аллегорий и символических сцен, скрытых от непосвященных за вполне «медицинским» описанием реальности. Широко представлены различные измененные состояния (от легкого сдвига до тяжелого бреда), контекст которых важен для восприятия общей концепции произведения, написанного в традициях русского психоделического реализма (реальность как трип).

Описанные ниже события охватывают более десяти лет. Автор еще успел примкнуть к первому, вудстокскому поколению «детей цветов», которые начали появляться в СССР во второй половине шестидесятых на смену стилягам и попсовикам. В это же время в Советском Союзе стало складываться правозащитное движение, с которым автору также довелось столкнуться. На диссидентском фланге противостояния советской системе, между хиппи и правозащитниками — как наименее и наиболее политизированными социальными кластерами, — располагались творческие люди (музыканты, художники, режиссеры) и мистики, предъявлявшие собственные счета реальности.

1. ХИППИ В ЭСТОНИИ. КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Таллин — Питер — Москва. 1968–1973

В 1968 году в журнале «Вокруг света» была напечатана статья аса советской официозной журналистики Генриха Боровика «Хождение в страну „Хипплиндию“»: «Нынешнее общество бесчеловечно. Оно уродует человека с детства, еще в семье. Прививает ему жизненные принципы стяжательства. Хиппи предлагает: человек должен стать наконец самим собой. Для этого — ячейка общества, не семья, а коммуна. Детей воспитывать сообща. Ребенок должен воспринимать сложный облик общества, не повторять повадки и взгляды своих родителей. Система жизни — коммуна индивидуальностей. Каждый живет, как хочет, делает, что хочет. Проявляет себя, как ему угодно. Институты современного общества, которые калечат людей, — роскошь, богатство, собственность — надо уничтожить. Жизнь должна быть проста. Механизация уродует людей. Ближе к природе. Долой войну. Долой войну во Вьетнаме. Долой Джонсона. Любовь, а не война...» Для меня, тогда тринадцатилетнего подростка, этот материал стал настоящим откровением. Невероятное безумие хиппового образа жизни просто ошеломяло. Я до сих пор помню описанные Боровиком сюжеты о том, как хиппи разбросали со

зрительского балкона нью-йоркской биржи доллары, вызвав настоящую панику в брокерском зале; как некий волосатый путешествовал в самолете бизнес-классом, купив отдельное место для своей гитары; как человек, завернутый в армейское одеяло, гордо носил на шее амулет в виде стеклянной пробирки, в которой ползала живая муха... Ну надо же, живут же люди!

Подростковый максимализм, конечно, не мог после всего этого просто так молчать в тряпочку. Тем более что к началам поп- и рок-культуры того времени я уже был некоторым образом причастен — через музыкальные передачи «Голоса Америки», «Радио Люксембург» и финских телепрограмм, принимавшихся в родном Таллине с помощью специальных приставок кустарного производства. В том же году я облачился в свой первый «хипповый» наряд: джинсы индийской фирмы Milton's, за которыми стояли невероятные очереди любителей поппсы всех возрастов, и коричневую фланелевую рубашку, к спине которой я пришил отодранный от обивки стула кусок темной кожи с тремя магическими буквами, собственноручно выведенными белой масляной краской: «POP». «Pop» [gor] — периодически слышал я за собой голоса русскоязычных прохожих, пытавшихся озвучить непонятную для их менталитета абракадабру. Как сказал один из родоначальников хиппизма Эбби Хоффман: «Ясность — не наша цель. Наша цель — сбить всех с толку. Нас не понимают — и это замечательно: понимая нас, они нашли бы способ нас контролировать».

В том же году в Таллине прошел первый в СССР рок-фестиваль. Это историческое событие состоялось в воскресенье 28 апреля в кинотеатре «Космос». Несмотря на полное отсутствие публичной рекламы, толпа собралась такая, что она стала мешать движению транспорта. Сам объект был взят в двойное кольцо оцепления: первое, малое, — из ментов, второе, внешнее, — из мореходцев. Тем не менее задержаний не было. Это, видимо, потому, что публика была в основном

эстонская, корректная. Русский рок такого, конечно же, не потерпел бы! Зал был, естественно, переполнен, народ тащился три часа подряд. Выступали исключительно местные команды: Kristallid, Mikronid, Poissmehed, Langevad Tähed, Virmalised, Poppojad.

Я ходил на фестиваль в сопровождении старших товарищей-попсовиков, которые еще не называли себя хиппи, а скорее примыкали к стилям. Классическое облачение попсовика предполагало прежде всего максимально широкие клеша из зеленого бархата, желательно — с красным шелковым клином, в котором горело бы несколько лампочек из новогодней гирлянды (батарейка — в кармане); снизу штанины подшиты zipperами. Пиджак — пиратский: с длинными фалдами, вельвет или бархат, золотые пуговицы. Мы уже брэнчали на гитарах битловские хиты: «Dizzy Miss Lizzy», «Twist and Shout», «Money»... Ранние роллинги, Kinks... По домоуправлениям и в Домах культуры создавались вокально-инструментальные ансамбли, в которых подростки упражнялись в игре на электрогитарах и ударных инструментах. Выступали в основном на школьных танцах, даже ухитрялись на этом зарабатывать. На танцах в клубах сцену держали более маститые коллективы, уже не школьные. И репертуар у них был позабористее: «Зеппелин», «Крим»...

Осенью 1969 года в Таллине при моем непосредственном участии открылся один из первых в городе хипповых клубов — «Раку» (Raku). Так назывался зверосовхоз по разведению черно-бурых лисиц, который находился практически в черте города, между Кивимяэ и Мяннику. Мой папа работал в те годы директором тамошнего Дома культуры и, как человек творческий, однажды предложил мне поучаствовать в организации совхозных танцев:

— Ты же играешь в рок-группе? Вот и давайте, будете выступать у нас в клубе!

Рок-группа — это сильно сказано. Мы иногда собирались с приятелями побрэнчать на акустических гитарах, имити-

руя битлов и роллингов, пару раз даже выступали на школьных вечерах, но чтобы регулярно играть на танцах... На наш первый вечер в «Раку» пришли человек десять, в основном сотрудники клуба и их знакомые. Мы, конечно, покуражились. Я, подражая Джерри Ли Льюису, поездил задом по роялю. Вместо ударной установки у нас был позорный пионерский барабан с отстойной тарелкой, напоминавшей по саунду звяканье кастрюли. Гитары с самодельными адаптерами пустили через клубные усилители. Народ в зале, конечно, подпил; пары жались по углам; свет, за исключением сценического «юпитера», вырубил. Но такой расколбас, безусловно, не отвечал ожиданиям ни самого народа, ни, конечно же, администрации клуба. Ведь речь-то шла о том, чтобы заработать на танцах левую кассу!

Я предложил папе привлечь альтернативную группу со всеми делами. И такая вскоре нашлась: музыкальный коллектив под романтическим названием Liiirikud («Лирики»). На самом деле это был крутой хардкор. Волосатые парни в потертой джинсе играли в основном песни Led Zeppelin и аналогичные «тяжелые» хиты. Надо сказать, вместе с ними в клубе появилась и специфическая публика, навалившая по наводке самих музыкантов. Это была самая что ни на есть продвинутая эстонская рок-хип-сцена. Моего папу — бывшего чекиста, изгнанного из органов за пьянку и считавшего, что земной жизнью управляют инопланетяне, — мало волновало соблюдение на общественно-культурных мероприятиях во вверенном ему заведении морального кодекса строителей коммунизма. Главное — это сборы. Поэтому он принципиально не вмешивался в процессы становления молодежной контркультуры в подотчетном ему учреждении. В «Раку» можно было все: хоть креветкой, хоть раком... Плати рубль за вход — и «огонь по штабам»! В огромном фойе стояло два бильярдных стола, которые активно использовались сторонниками входящей тогда в моду теории фри-лав. Мне была выделена на втором этаже клуба отдельная ком-